

МАРИЯ ВОРОНОВА

ЛЮБОВЬ
В РЕЖИМЕ
ОЖИДАНИЯ

МОСКВА
2023

УДК 821.111-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Художественное оформление *Дарьи Васильченко*

Иллюстрация на обложке *Катерины Килянця*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© AngieYeoh / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Воронова, Мария Владимировна.
В75 *Любовь в режиме ожидания / Мария Воро-*
нова. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-191188-1

Врач-реаниматолог Лада со студенческой скамьи влюблена в Валентина Сумарокова, но он, ныне успешный бизнесмен, словно бы не замечает ее чувства. После смерти жены он один воспитывает дочь Аню. Лада — его верный друг и помощник, но и только... Аня оканчивает школу, и Лада замечает, что Сумароков заглядывается на подругу дочери — умницу и красавицу Катю. А за Ладой ухаживает Олег, водитель Сумарокова. Найдет ли она в себе силы отказаться от «любви в режиме ожидания» и начать новую жизнь с влюбленным в нее мужчиной?

УДК 821.111-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© М.В. Виноградова, текст, 2016

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-191188-1

Часть первая

Глава 1

К вечеру пошел снег, но не потеплело. По радио сказали, что холод приполз из Скандинавии и продержится еще как минимум двое суток.

Выскочив из промерзшей маршрутки с ободранными сиденьями, Лада поглядела по сторонам и перебежала скользкую проезжую часть наискосок — прямо к дому.

В подъезде энергично потопала ногами, стала отряхивать снег с капюшона.

— Здравствуйте, Лада Николаевна! — Пожилой консьерж с военной выправкой знал по имени-отчеству всех жильцов, их родственников и даже гостей. — Вам щетку дать?

Она улыбнулась, помотала головой.

В зеркальном лифте придиричиво взгляделась в свое отражение. Нос, понятное дело, красный — стащив перчатку, она потерла его ладонью, поправила некрасиво повисшую прядь волос. Увы, финский пуховик, купленный всего-то год назад, в этом шикарном лифте тоже смотрелся неважно... Сюда надо надеть шубу! Норковую!

Еще недавно о норковой шубе и речи не шло. Лада работала реаниматологом в обычной городской больнице. Она работала хорошо, ее любили и пациенты, и сотрудники, но к покупке шубы это отношения не имело.

А полгода назад она получила предложение из клиники эстетической медицины «Клеопатра». И не просто предложение, а «с отличными перспективами», как выразился хозяин «Клеопатры» знаменитый пластический хирург Яков Розенберг.

Это, конечно, была игра случая. Прошлой весной Розенберг в качестве пациента угодил в больницу, где Лада работала. А потом от него поступило это самое предложение. Сохранив за собой полставки дежурного реаниматолога — «для души», — Лада согласилась. Ей давно хотелось перемен в жизни. Правда, мечтала она о других переменах...

Звякнул электронный сигнал, двери лифта бесшумно открылись.

Аня стояла на пороге квартиры.

— Ладочка! Как ты добралась? Почему отказалась от машины? Ты же, наверное, ужасно замерзла? — затараторила она, помогая Ладе снять пуховик.

Потом в зеркале холла отразилась высокая полная женщина, обнимающая девочку-подростка. Девочке лет четырнадцать, женщине... тридцать с хвостиком. А то и с длинным хвостом.

— Аня, дай же пройти! — Сев на низкий пуф, Лада нагнулась и принялась стаскивать сапоги. Оставшись в одних чулках, активно задвигала пальцами ног. — Знаешь, какой мороз на улице?

Быстрым движением она сунула холодную руку Ане под кофточку. Девочка с визгом и смехом отскочила.

— Так почему же ты от машины отказалась? — переспросила она, оставаясь на безопасном расстоянии.

Лада подмигнула:

— Мы, люди дела, не можем располагать собой. Я же не знала, когда освобожусь. Да ладно, тут на маршрутке двадцать минут. Правда, наши маршрутки — это что-то!.. Ничего, вот куплю машину, буду приезжать к тебе сама, как королева.

— Ты бы сначала хоть на курсы водительские пошла!

Лада привычным жестом вынула из ящика красивые кожаные сабо и вздохнула:

— Когда мне? Я после работы учусь, только сегодня выходной выдался. Я ведь теперь и.о. зав-клиникой.

— Кто-кто? — Аня не поняла и засмеялась.

— Исполняющий обязанности заведующего. — Лада тоже засмеялась. — Ну, чем займемся? Хочешь, проверю твой дневник?

— Давай, а то надоело уже папину подпись подделывать. Заодно pomoжешь мне с заданием по химии.

Закончив со школьной премудростью, обе перешли из Аниной комнаты в гостиную.

Гостиная Сумароковых представляла собой просторное помещение с белыми стенами, кожаными диванами, большим обеденным столом и обязательной горкой, набитой антикварной посудой. Хозяин дома давно жил без жены, но в гостиной не было ни лосиных голов, ни холодного оружия, ни коллекции спортивных наград. Главной достопримечательностью здесь был настоящий камин, как в английском фильме: с решеткой, экраном и специальными креслами, сидя в которых так приятно смотреть на огонь! На мраморной каминной полке стояло множество фотографий Ани, Валентина и его покойной жены.

Несколько лет назад Сумароков выстроил коттедж под Сертоловом, и знакомые посоветовали ему каминного мастера. Валентин остался настолько доволен его работой, что пожелал иметь камин и в городской квартире.хлопот было много, но мастер не подвел, справился.

Лада села в кресло и протянула руки к огню.

— Будем ужинать? — Аня подошла сзади и обняла ее за плечи.

— А папа?

— Сказал, чтобы мы его не ждали.

— А! — Лада так и не поняла, удалось ли ей скрыть разочарование. — Ну что ж, давай.

Аня не позволила Ладе участвовать в хозяйственных хлопотах, зато приготовила для нее кампари

с апельсиновым соком. Но сидеть в гостиной и прихлебывать аристократическое пойло было скучно. Взяв стакан, Лада вслед за Аней отправилась в большую, напичканную современной техникой кухню, села за стол и стала наблюдать, как девочка ловко разогревает котлеты и режет овощи для салата.

Аня вдруг отложила вилку и тяжело вздохнула.

— Ты что, Анюта?

— Слушай, я хотела тебя спросить... Есть один мальчик...

Лада улыбнулась:

— Ну-ка, ну-ка, расскажи!

— Да нет, это другое. Я его в больнице видела...

Лада тут же перебила ее:

— Если бы ты знала, как мне не нравятся эти твои посещения больницы! О чем только думает твой отец! Обязательно нужно помогать туберкулезным больным, будто других нет!

— А кому хуже, чем им? Сама знаешь.

Лада вздохнула. Конечно, она знала. Как и в девятнадцатом веке, в двадцать первом туберкулезом болеют самые бедные... В годы перестройки заболеваемость резко возросла, заговорили даже об эпидемии. Государство отреагировало как обычно — приняв символические меры, но зато распиарив их на полную катушку. Ну а после громких деклараций как-то неудобно говорить, что эпидемия продолжается. Поэтому сделали вид, будто туберкулеза

больше нет, что понятно как отразилось на финансировании...

Год назад Аня поехала в туберкулезную больницу навестить одноклассницу, попавшую туда на обследование. Нищета, которая царила в детском отделении, ужаснула впечатлительную девочку. В тот же вечер она уговорила отца, который уже всерьез задумывался о шефстве над тяжелобольными, помочь отделению. Валентин согласился ежемесячно перечислять больнице определенную сумму. Но этого Ане показалось мало, она захотела сама общаться с больными детьми, узнавать обо всех их нуждах и облегчать по возможности их участь. Никакие запреты на нее не действовали — эта девочка умела проявлять железную волю.

За год отделение изменилось до неузнаваемости: на деньги Сумарокова сделали ремонт, закупили современное медицинское оборудование и кровати. Аня посещала больницу каждую неделю, и Лада теперь иногда просыпалась по ночам в тревоге за нее. С точки зрения медицины это был неоправданный страх, прививка и здоровый образ жизни должны были защитить Аню от заражения, но Лада боялась за нее, как простая обывательница.

— Агриппина Максимовна говорит, что этот мальчик умрет. Лада, ты не представляешь, как мне его жалко!

— Ох, Анечка, если бы ты знала, сколько народу я проводила на тот свет и как мне всех их было

жаль... Но есть вещи, которые мы не можем изменить. Знаешь, какая первая заповедь врача? Нельзя умирать с каждым больным.

— Но твои больные были, наверное, старые, а это ребенок! — запальчиво возразила Аня. — Может, ты знаешь какого-нибудь доктора?

— Агриппина Максимовна очень хороший врач. Я уверена, она использовала все возможности. И проконсультировалась со всеми специалистами. Ты хочешь обидеть ее, пригласив доктора со стороны?

— Я хочу, чтобы он поправился, больше ничего! А она, между прочим, сказала, что будет рада любой помощи. Лада, ты же знаешь всех самых лучших врачей!

Аня вскочила приготовить чай. Открыв дверцу навесного шкафа, она среди множества пачек безошибочно выбрала любимый сорт Лады — зеленый с лимоном. Достала пачку и показала Ладе. Та кивнула.

Ее давно перестало удивлять, как Аня, четырнадцатилетняя девчонка, другими словами, человек, пребывающий в самом безмозгом и эгоистичном периоде жизни, запоминает чужие вкусы и пристрастия.

Однажды Лада пришла в этот дом вместе с Розенбергом. Узнав о ее тесной дружбе с Валентином Сумароковым, директор клиники запросился в гости, надеясь нащупать почву для делового сотруд-

ничества. Аня, как всегда, хозяйничала за чайным столом. Розенберг сказал, что чай он пьет «черный, крепкий, с лимоном, две ложки сахара и чуть-чуть не доливать до краев». Вечер прошел в оживленных разговорах, мужчины понравились друг другу, но совместный бизнес так и не затеяли. Однако мысль об этом не оставляла Валентина, и через полгода он сам пригласил Розенберга. Когда перешли к чаю, гость начал было: «Мне, пожалуйста, черный...», но Аня остановила его спокойным: «Да, я помню», — и подала чай именно так, как он любил! Розенберг чуть не подавился и весь оставшийся вечер поглядывал на девочку с опаской.

— Прощу тебя, помоги! — сказала Аня, сев напротив Лады и глядя на нее умоляюще.

— Да чем же я могу помочь? Всех светил в туберкулезе Агриппина знает лучше моего.

— Но Агриппина же старая! Она могла про кого-нибудь забыть!

Лада вдохнула аромат чая, поставила чашку на блюдце, задумалась.

— Знаешь, есть у меня один знакомый... Правда, он не фтизиатр...

— Зачем он тогда?

— Профессор Колдунов — замечательный врач! Он вытащил не одну сотню крайне тяжелых больных, на которых остальные доктора махнули рукой. Его можно смело назвать личным врагом смерти. Если хочешь, давай позвоним ему прямо сейчас.

— Ох, Ладочка, пожалуйста!

Пришлось идти в холл, искать в сумке со-
товый. Аня ждала ее у стационарного аппарата,
подпрыгивая от нетерпения и молитвенно сложив
руки.

Услышав резкое «Алло!», Лада включила гром-
кую связь.

— Ян, ты можешь сейчас разговаривать? —
спросила она.

На другом конце провода помолчали, потом тя-
жело вздохнули:

— Только недолго.

— Тогда перехожу к делу. Только сразу не го-
вори «нет», хорошо?

— Я ж не девушка, чтоб так говорить! Короче,
что надо?

Аня испуганно покосилась на Ладу: разве такой
нелюбезный профессор согласится помочь? Лада
ободряюще похлопала ее по руке.

— Надо больного проконсультировать, — ска-
зала она.

— У-у-у... не знаю... — донеслось из дина-
мика. — Я ж на трех работах, незнамо сколько дома
не был. Он может сам приехать в академию?

Аня вытянула руку перед лицом Лады и энер-
гично потерла пальцами.

— Тебе хорошо заплатят. — Заметив, как Аня
трясет головой, Лада быстро добавила: — Очень
хорошо.

— И привезем вас туда-обратно! — крикнула Аня.

— Да, и транспортом обеспечим. Соглашайся!

— А что за случай-то?

— Ну, не совсем по твоему профилю... — Лада замялась. — Но ты же универсал. Распространенный туберкулез.

В динамике засмеялись:

— Ладушка, ты что, перегрелась на руководящей работе?

— Ян, ты же в Чечне был...

— В Чечне я был, но единственное, чего я там ни разу не видел, — это туберкулеза в последних стадиях. Поэтому моя консультация бессмысленна. А посоветовать, пожалуй, тоже никого не посоветую. Я далек от этой отрасли.

Аня поджала губы, а потом снова потерла пальцами и изобразила в воздухе большой квадрат.

— Целый чемодан денег! — перевела Лада. — Хотим только тебя, все спецы по туберкулезу уже сказали свое веское слово. Ян, ты у нас последняя надежда!

— Если ты думаешь, Лада, что я возьмусь оперировать после того, как отказали фтизиохирурги, так нет. В туберкулезе нужно жизнь прожить, знать его и чувствовать. Там дело не только в объеме поражения, но и в биологических характеристиках туберкулезной палки. Фтизиохирурги знают повадки этого зверя, я — нет.

— Ты тоже у меня когда-нибудь чего-нибудь попросишь... — заняла Лада.

— Подтяжку лица? Силиконовую грудь? Вряд ли. Не канючь, не поеду. Во фтизиатрии работают святые люди. Настоящие святые, без дураков. Пашут за одну зарплату, ибо кто у них основной контингент? Бомжи и зэки. Но фтизиатры спасают их, прекрасно зная, что единственное, чем пациенты их наградят, — это какая-нибудь особо устойчивая форма бациллы Коха. Поэтому их мнению я доверяю безоговорочно.

— Ну пожалуйста...

— Если я явлюсь и начну давать советы по лечению, то только обижу их. А я не хочу обижать людей, которыми восхищаюсь. Если твоим знакомым бабки некуда девать, пусть лучше заплатят лечащему доктору.

Аня всхлипнула. Лада понимала, что Колдунов абсолютно прав, пожалуй, он знает о туберкулезе немногим больше среднего обывателя и его консультация вряд ли будет полезной, но ей вдруг страстно захотелось показать ему ребенка. Может быть, потому, что она пообещала Ане чудо, а визит профессора мог дать хотя бы кратковременную надежду?

— Ян, они уже все перепробовали, — тихо сказала она. — Готовы прислушаться к самой дикой идее, самому маразматическому плану лечения.

— И значит, я самый крупный маразматик в городе, раз ты обратилась именно ко мне? — захо-

хотал Колдунов. — Пожалуй, в следующий раз так и напишу в резюме для справочника «Кто есть кто? Медицина Петербурга».

— Ян, ты действительно наша последняя надежда. Ты обязательно что-нибудь придумаешь. Вдруг поможет? Ведь иначе ребенок умрет.

В динамике раздался тяжелый вздох.

— Ладно, хрен с вами со всеми, — брюзгливо произнес профессор, — поеду. Адрес говори.

— Тебя привезут!

— На метро быстрее, моя жена давно уже по городу на машине ездить перестала. У меня тоже нет ни малейшего желания в пробках торчать. Правда, я не уверен, что завтра успею в течение рабочего дня. Пусть там предупредят дежурного врача, что я приеду.

— Ян! Спасибо! — в восторге закричала Лада. — Называй гонорар!

— Я еще не оборзел, чтобы с детей деньги брать, — мрачно ответил динамик. — Тем более за консультацию, которой можно будет только потеряться.

— Ты что, тоже святой?

— Нет, конечно, но почти такой же хороший, как наш губернатор.

— Это ты о чем?

— Да мы тут недавно новости смотрели, как губернатор навещает детский диагностический центр. И вдруг видит преёскурант на платные услуги. Ах, го-

ворит, какой ужас, неужели вы с детей деньги берете? А заведующая, вместо того чтоб честно ответить: да, приходится, ибо при нашем финансировании даже на расходные материалы не хватает, не говоря уже обо всем остальном, — смутилась и залепетала: ой, это только на добровольной основе, платят только те, кто сам хочет... Чем заслужила от губернатора порицание. Чтобы порицать других, я, конечно, рылом не вышел, но кое-что могу... В общем, адрес давай.

— Я сама с ним поеду, — зашептала Аня. — Он не найдет, там забор такой глухой...

Глава 2

Последнее время Витя Сотников спал очень чутко. Новенький мальчик накрыл голову одеялом и подушкой, но его плач все равно разбудил Витю.

Он встал и, стараясь ступать как можно тише, подошел к новенькому.

— Ты чего ревешь?

Мальчик лет семи-восьми выбрался из своего гнезда. В темноте было плохо видно, но Витя понял, что он испугался. Ясно, от этого угрюмого тощего парня он не ждал ничего хорошего.

— Не бойся, — буркнул Сотников. — Ты первый раз в больнице?

Ребенок только судорожно вздохнул.

— Пойдем, попьешь водички. Тапки надень и рубашку. И не шуми! — зашипел Витя, когда

мальчик, боясь промедлением разозлить его, спрыгнул с кровати.

Кое-как одевшись в темноте, они вышли в коридор. Сестра оставила только ночные лампы, а на дальнем посту включила кварц, и новенький испугался тревожного фиолетового света. Витя протянул руку, и маленькая ладошка сразу ухватилась за нее.

Мимо спящей на диване сестры они прокрались в буфет. Яркая луна была прямо в высокое окно, так что видны были и разделочный стол, и огромная железная мойка, и деревянный шкаф для хлеба. Сквозь переплет окна лунный свет ложился на пол квадратами, будто кто-то расчертил площадку для игры в классики. Витя достал из угла стул — фанерку на тонких железных ножках — и усадил мальчика. Внезапно с недовольным рокотом затрясся холодильник, новенький вздрогнул.

— Сказал же, не бойся! — Витя откинул с сушильной решетки пеленку, казавшуюся неправдоподобно белой в свете луны, взял две кружки. Эти эмалированные кружки с цветочками на боку и черными ободками внезапно напомнили ему собственное детство, детский сад. — Что будешь: кисель, кефир? Хотя холодное тебе нельзя.

В холодильнике ровными рядами стояли рожки со специальным, приготовленным на местной кухне лечебным кефиром. Как ни странно, дети его любили и охотно разбирали сиротского вида бутылочки с марлевыми пробками. Но кефир должен был вы-

стояться хотя бы два часа при комнатной температуре. То же относилось к фруктам.

Витя взял из ящика маленький половник и осторожно снял крышку с огромной алюминиевой кастрюли, стоящей на подоконнике. На крышке масляной краской цвета запекшейся крови были криво выведены страшные письма «1 Д. О.», что означало первое детское отделение.

Он согнал пленку с поверхности киселя и наполнил кружки густой жидкостью цвета заката.

— На, попей. Булочку хочешь?

Мальчик всхлипнул и помотал головой. За время экспедиции он, боясь расплакаться, не сказал ни слова.

— Да все нормально будет у тебя, вылечишься.

Витя сполоснул кружку, но оставил ее в мойке — после него, бацилловыделителя, посуду нужно специальным образом обработать. Дожидаясь, пока мальчишка допьет свой кисель, он лег животом на широкий подоконник. Странно, какая яркая сегодня луна, прямо буйная! Подмигивая то красным, то белым огоньком, летел самолет. В ночной тишине простучали колеса поезда, а когда стихли, стало слышно, как из крана мерно капает вода... Ребенок вздохнул басом прямо у Вити за плечом и устроился рядом.

Они лежали животами на холодном подоконнике и молча смотрели на заснеженный парк, пугающе белый в молочном свете луны.

— Ладно, пойдем, а то простудишься еще, — сказал Витя.

Мальчик послушно спрыгнул с подоконника и сам протянул Сотникову руку.

В палате новенький немного повозился, но вскоре утих — наверное, заснул. А Вите не спалось. Чувство стыда все сильнее мучило его. За время бездомной жизни он почти забыл, как это — стесняться собственных поступков. Сегодня он жестоко обидел человека, желавшего ему добра. Он вновь и вновь прокручивал в голове события прошедшего дня...

...Витя оглянулся и осторожно приоткрыл дверь. Внимательно осмотрел письменные столы, заваленные стопками историй болезни, фанерную изнанку книжного шкафа, перегораживающего ординаторскую, буйно цветущие кактусы на подоконнике... Прислушался. Кажется, пусто.

— Здравствуйте! — громко сказал он на всякий случай и подождал секунду. Никто не ответил.

Тогда Витя подошел к столу заведующей. В большой хрустальной пепельнице скопилось много окурков, он выбрал самые длинные. Иногда ему везло: стоило Агриппине Максимовне закурить, как ее вызывали по каким-нибудь срочным докторским делам, и на бортике пепельницы оставалась почти целая сигарета...

Врачи детского отделения были очень беспечны, ординаторская вечно стояла открытой, и, зная распо-

рядок дня, Витя вполне мог бы красть сигареты и даже деньги, но он еще никогда не опускался до воровства.

Витя взял свою куртку и поплелся в садик, чтобы спокойно покурить на скамейке, не опасаясь, что его застукает медсестра.

Недолгое путешествие далось с большим трудом, ноги в разбитых ботинках промокли, мартовский ветер дул зло и холодно, а на скамейке лежал толстый слой обледенелого снега. Кое-как Витя расчистил маленький пяточок и уселся, зная, что от озноба ему все равно не спастись.

Вытащил свои сокровища и любовно разложил их в ряд на ладони. Сейчас выкурим самый длинный, потом самый короткий, а средние оставим на вечер. Надо бы сходить во взрослый корпус, поклянчить у мужиков спичек, но хватит ли у него сил для такой экспедиции?

— Сотников! — прогремело над ухом, и Витя повернулся, привычно удивляясь, как у такой маленькой старушки может быть столь грозный бас.

— Я вышел погулять, Агриппина Максимовна, — сказал он, быстро пряча окурки в карман.

— Ну да! — Заведующая, бабушка лет семидесяти, сверлила Витю грозным взглядом. — Ты куришь, маленький негодяй!

— Нет, Агриппина Максимовна, — жалко возразил он.

— Ты понимаешь, что для тебя сигарета — это смерть? — Старческая рука с неожиданной силой

залезла к нему в карман и выудила оттуда все текущие запасы. — Тем более окурки, это же вообще яд несусветный! А я смотрю в окно, думаю: чего это Витенька в такую погоду воздухом подышать захотел?

— Да отвяжитесь вы уже от меня, — буркнул Сотников, закашлялся и сплюнул на снег.

Заведующая тут же нацепила на нос очки и пригладелась.

— Без крови, — с удовлетворением сказала она и вытащила из кармана пачку, — ладно, на, кури. Сама тысячу раз бросить пыталась, знаю: когда курева нет, гораздо больше тянет.

Она прикурила вместе с ним и глубоко затянулась.

— Но суть не в том, что нет сигарет, а в твоей воле. Возьми себя в руки, Витя! И кстати, ты почему в школу не ходишь? Учителя жаловались, они же специально готовятся.

— Не буду я никуда ходить! На хрена? Мне все равно помирать скоро.

— Витя!..

— Что — Витя? Я же слышал ваши обсуждения! Да и без них уже все понятно!

Помолчали. Агриппина Максимовна неловко хлопала его по плечу. Понимала, что переубедить парня все равно не сможет.

— А как ты думаешь, — вдруг спросила она, — мне ведь тоже немного осталось?